

УДК 165.0

НОВЫЙ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД К РАЦИОНАЛЬНОМУ ОСВОЕНИЮ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

В.В. Ходыкин, Р.О. Исаев

ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», г. Самара

Анализируется роль рациональности в современном дискурсе. Проводится обсуждение вызовов, с которыми сталкивается в современную эпоху рациональный подход к окружающей действительности. Значительное внимание уделяется такому элементу рациональной рефлексии, как эпистема. Показывается близость и определенные отличия эпистемы от концепта «парадигма».

***Ключевые слова:** рациональность, рефлексия, исследовательский дискурс, истина, опыт, картина мира, эпистема, парадигма.*

Развитие рационального мышления в XIX в., как известно, в значительной степени испытало на себе необходимость выхода из кризисного положения, что было обусловлено, главным образом, необходимостью решения накопившихся проблем классической парадигмы. Многие вопросы, стоявшие перед классической рациональностью, были связаны с критикой, исходящей от тех, кто полагал излишними претензии разума на возможность осмысления окружающей мира во всех его аспектах. В данном контексте дискуссии коснулись также и возможностей классического разума стать решающим фактором в принятии людьми в жизни разного рода решений, определяющих их поведение, место и роль в обществе. Между тем кризисные явления вокруг классического рационального мышления помимо новых фундаментальных открытий в естествознании, не вписывавшихся в старую парадигму, были связаны еще и с целым комплексом мировоззренческих ориентиров в жизни общества. Все это вызвало пересмотр важнейших норм, идеалов, ценностей так называемого классического рационального естества человека *èra excellence*, оказывающих заметное влияние на развитие общества во всех его сферах деятельности, в том числе в рефлексивной и когнитивной практиках.

Неоднозначные события в жизни современного общества, многие из которых получили статус глобальных проблем человечества, придали уверенности сомневающимся в возможностях разума со всем этим справиться. Более того, активно стали раздаваться голоса (М. Хоркхаймер, Т. Адорно), обвиняющие рациональный подход к окружающей действительности в возникновении многих неблагоприятных для человечества процессов минувшего и текущего столетий (войны, экологические катастрофы, эпидемии, бедность, климатические аномалии, терроризм, экстремизм). Подобного рода возвеличивание разума даже заподозрили в пособничестве присущего многим людям стремлению к доминированию над себе подобными. В этой связи возникло представление о сущности человека как о чем-то иррациональном, использующей рациональное представление о мире как некую ширму, порожденную определенной исторической эпохой.

Среди мыслителей нашей эпохи уже наметился определенный консенсус относительно исследований основных методологических ориентиров познавательного процесса в парадигме традиционной классической рациональности. Подобного рода концептуальный подход, прежде всего, связывают с приматом объективного, трансцендентального, логической обоснованности. При этом традиционная методологическая установка определяет научное познание, в отличие от других известных форм познавательной активности, главным образом, как некую бессубъектную систему поиска истины о различных сегментах окружающего нас мира [2, с. 201–202].

Своего рода исчерпание эвристических возможностей науки классического образца в исследовательских кругах зачастую связывают с присутствием там элементов так называемого фундаментализма. В данном контексте фундаментализм можно ассоциировать, главным образом, с определенным строго выверенным образом мышления, а также с четко структурированным и достоверным познанием всего разнообразия бытия. В этой связи вполне логичным выглядело стремление интеллектуалов той эпохи обрести устойчивую основу такого рода освоения действительности ко всевозможным перипетиям бурного развития традиционной философской рефлексии и научного познания.

Присутствие столь специфического варианта фундаментализма, который проявлял себя как в эмпирической, так и в рационалистической форме, а несколько позднее фактически в их синтезе, по логике вещей указывает на стремление к унификации методологии философской рефлексии и научных исследований в поисках истины в ее классическом понимании. И это весьма показательно, главным образом, на фоне постепенного осознания ведущими мыслителями и учеными сужения эвристических и экспликационных возможностей такого рода концептуальных ориентиров под воздействием новых и довольно нестандартных для классического разума открытий в ряде ключевых отраслей естественной науки на рубеже XIX-XX столетий.

Такого рода вызовы породили ответ в виде активного развития уже к середине прошлого века так называемого антифундаменталистского направления в методологии научного исследования, которое в определенной степени пыталось дистанцироваться от некоторых весьма актуальных для гносеологии проблем. В этой связи можно заметить, в частности, весьма скептический взгляд такого направления в методологии на проблему поиска фундаментальных априорных аксиоматических основ получения знания о действительности. Тем самым возникает стремление к отходу от анализа структуры когнитивных способностей в сторону расширения возможностей перцептивного опыта. В данном случае на концептуальном уровне ощутимую поддержку находят принципы неопределенности, многомерности, а также подвижности, вносящие весомый вклад в формирование, если так можно выразиться, активно функционирующих методологических парадигм. А весьма существенный успех в построении такого рода концепций можно констатировать, главным образом, в рамках современной западной аналитической философии.

Все это говорит нам о том, что сама структура научного исследования постепенно усложняется. При этом некоторые прежние постулаты, вроде практики как источника, цели, необходимого критерия на пути к достижению истины или анализа абсолютной и относительной истины, постепенно теряют статус полной рациональной обоснованности и завершенности когнитивного

процесса. И в данном контексте вполне обоснованными выглядят аргументы против подобного рода прежних постулатов, указывающих на излишнюю схематичность в анализе самой сути научного исследования, упускающую из виду некоторые существенные элементы в когнитивной практике, вроде ее объективных предпосылок или необходимых стимулов. В качестве логичного следствия из этого обнаруживаются, если так можно выразиться, элементы аберрационного воздействия на аналитическую деятельность, постепенное усиление теоретической абстрактности гносеологии и размывание неотъемлемой роли субъекта в процессе познания.

Речь идет о распространенных в современной теории познания высказываниях относительно роли диалектики или диалектической логики, системообразующем значении их основных категорий, сочетающихся с довольно ограниченным видением действительности на концептуальном уровне в различных отраслях науки. Очевидно, что все это способствует активному отходу субъекта когнитивной деятельности вместе со всем комплексом факторов с ним связанных и им обусловленных в процессе рефлексии, главным образом, по эпистемологическим проблемам, на задний план. Такие реалии все в большей степени стали демонстрировать на концептуальном уровне нечто внеисторическое, внесубъектное, в значительной степени наделенное совокупностью черт абстрактности. Все сказанное стало вызывать в исследовательских кругах, прежде всего, у эпистемологов, озабоченность относительно ухода человека в лице субъекта рефлексии из проблемного поля. Таким образом, речь идет о явном преобладании, прежде всего, гносеологического аспекта рефлексии действительности, включая так называемые вненаучные исследования.

Вместе с тем, в качестве весомого дополнения и даже альтернативы рассматриваемой классической гносеологической рефлексивной традиции выступает современная так называемая онтологическая стратегия. Данная стратегия в теории познания как в теоретическом, так в практическом аспектах позиционирует себя способной к более глубокому и полному проникновению в суть самого познания, да всей действительности в целом, а также ее отражения в сознании субъекта. В частности, онтологический подход претендует на определение места, роли практического и духовного аспекта во всей палитре эвристических изысканий субъекта, в том числе, согласно воззрениям М. Фуко, их «эпистемического статуса» [6, с. 99].

Речь идет об одном из ключевых понятий в системе интерпретации истории как ряда «прерывностей», которое было выдвинуто М. Фуко в середине 60-х годов XX в. В значительной степени эпистему можно воспринимать в качестве наследия его структуралистских представлений. На их базе Фуко, как и многие его коллеги и единомышленники структуралистского направления, придерживался точки зрения, демонстрирующей наличие так называемого всеобщего универсального принципа построения и демонстрации различных аспектов человеческого бытия. Таким образом, предполагается присутствие определенного рода организующей «структуры прежде всех других структур» со всеми необходимыми базовыми установками и ориентирами для формирования или «конституирования» и активного развития любых структур, присутствующих в жизни субъекта рефлексии.

На концептуальном уровне эпистемический аспект исследований Фуко выводит на обсуждение в рамках известного труда «Слова и вещи: археология

гуманитарных наук». Изначально французский мыслитель в категорию «эпистема» вкладывает смысл некоего *исторически сложившегося* структурного культурно-познавательного образования, в значительной степени определяющего саму возможность конкретных точек зрения, гипотез, теорий, концептуальных подходов к различным проблемам, имеющим особое значение для той или иной эпохи. Фуко обращает наше внимание на так называемую «археологию», воспроизводящую некие структурные образования когнитивного характера, а также привычное нам стремление к сохранению полученного знания в разные исторические эпохи. При этом надо заметить, что ключевым структурирующим эпистемическим фактором здесь рассматривается некий априорный для различных исторических эпох дискурс «слов и вещей». А сам Фуко, можно сказать, в какой-то момент поймал себя на таких размышлениях: «сейчас я не располагаю подходящим именем, и мой дискурс, который не обрел еще почвы под ногами, также далек от того, чтобы я мог определить то место, откуда он говорит. Это дискурс о дискурсах; но я не пытаюсь извлечь из него какого-нибудь скрытого в нем закона или скрытый источник, для которого я не могу сделать ничего иного, кроме как даровать ему свободу» [4, с. 201]. По всей видимости в данном контексте «археология знания» играет роль специфической области исследований, занимающейся детальным историческим и культурным анализом эпистемы, как комплекса определенного рода априорно существующих когнитивных категорий. Показательно и то, что речь идет не только о фундаментальной базе научного исследования, но также о так называемом околонучном освоении мира, в том числе о принимаемых на веру постулатах, убеждениях.

Таким образом, в контексте осмысления действительности на постулатах рациональности, можно сказать, что эпистемический анализ конструирует специфические аспекты интерпретации условий и потенциала когнитивного процесса. С точки зрения М. Фуко, исследование эпистемы – это изучение комплекса «связей, которые могут объединить в данную эпоху дискурсивные практики... Иначе говоря, эпистема – это способ, в соответствии с которым в каждой из дискурсивных формаций становится и совершается движение эпистемологизации, научности и формализации... Эпистема – это не форма знания и не тип рациональности, который проходит через различные науки, манифестирует обособленные единства субъекта, духа или эпохи; эпистема – это, скорее, совокупность всех связей, которые возможно раскрыть для каждой данной эпохи между науками, когда они анализируются на уровне дискурсивных закономерностей» [4, с. 190]. Примечательно то, что в спектре исследований эпистемы находятся когнитивные построения и их взаимодействие, как активно способствующие накоплению научных знаний, так и выходящие за пределы сложившихся кумулятивных традиций. Можно констатировать, что традиционная и устойчивая сфера эпистемических интересов распространяется шире устоявшейся академической системы познания со всеми неотъемлемыми компонентами.

Согласно устоявшимся во второй половине минувшего столетия воззрениям в рассматриваемой «доминантной структуре» ключевую роль играет языковой фактор. В этой связи техника рефлексивного анализа языка стала распространяться и на данную «доминантную структуру». Известны высказывания Фуко по результатам проведенных им исследований в рамках трактата

«Слова и вещи»: «Мы мыслили внутри анонимной и ограничивающей системы мышления, системы присущего ей языка и эпохи. Эта система и этот язык имеют свои собственные законы трансформации. Выявление этого мышления, предшествующего всякому мышлению, этой системы прежде всех систем, и является задачей сегодняшней философии» (цит. по: [7, с. 319]). Таким образом, постулируя языковую доминанту в рефлексии, Фуко акцентирует особое внимание на «дискурсивной практике» субъекта. Все это говорит об эпистеме как о некоем едином собирательном образе, аккумулирующем в себе всю палитру исследовательских методов, целей, задач и открытий во всех отраслях науки. По мнению Фуко, исторически эпистема возникает в речевой практике исследователей, образуя так называемый языковой код с соответствующими напутствиями и предостережениями. Эпистемическая рефлексия в данном случае являет собой целое сложное и весьма вариативное «проблемное поле» для всего исследовательского сообщества определенной исторической эпохи.

В результате Фуко определяет три базовых археологических периода эпистемического исследования. Среди них – ренессансный (XV–XVII вв.), классический (XVII–XIX вв.) и современный (XIX–XX вв.) периоды эпистемических изысканий. Основу структуризации эпистемической рефлексии образует взаимосвязь «слов» и «вещей» [1, с. 58]. Соответственно, в эпоху Ренессанса основой эпистемы является слово, воспринимаемое в качестве символа бытия. Эпоха Просвещения демонстрирует в эпистеме слово, воспринимаемое как некий рефлексивный образ в пространственном измерении. В современной мысли основой эпистемической рефлексии выступает слово, которое позиционируется в качестве знака, как неотъемлемой части соответствующей знаковой системы. В таком поле эпистемы слово замыкается на самом себе. Другими словами, освоение действительности на принципах рациональности Ренессанса акцентирует внимание, главным образом, на всевозможных сходствах и подобиях. Просвещение в качестве основы познания выдвигает на первый план тождества и различия, а также построение классификации. Соответственно, современная рефлексия во главу угла полагает язык, присутствующий в нашей повседневности, с его собственным бытием, не тождественным бытию мысли.

Парадигмальные ориентиры классической рациональности, по замыслу Фуко, можно охарактеризовать тем, что в рамках тогдашних эпистемических исследований непосредственное сходство между словами и вещами постепенно ослабевает. Иначе говоря, связь между словами и вещами осуществляется, главным образом, посредством рефлексии в рамках поля когнитивных представлений или «слов-образов». В рамках классической эпистемы такие операции как отождествление или различение становятся основными для соотношения слов и вещей. Как известно, эпоха классической рефлексии или Просвещение стремилась к созданию универсальной методологии для зарождающейся классической науки, главным образом, естествознания с его явной тенденцией к математизации, а несколько позднее и различных отраслей гуманитарного знания. Так называемые естественные эпистемические знаки эпохи Ренессанса как вербальный посредник естественнонаучных и гуманитарных исследований постепенно стали вытесняться всевозможным набором искусственных знаков. В свою очередь, подобного рода искусственные знаки оказались ощутимо легче в их эпистемическом использовании. При этом составные

композиции таких знаков относительно легко стали выводиться из их самых простых компонентов. Все это позволило активно использовать в классических эпистемических исследованиях разного рода алгоритмы, таблицы, графические построения, комбинаторику или всевозможные вероятностные подходы.

На концептуальном уровне классическая эпистема, допускающая непосредственные взаимоотношения по линии бытие – рефлексия, в современном облике, согласно позиции Фуко, обрела в качестве связующего звена для слов и вещей такие компоненты, как «язык», «труд» и «жизнь». Последние категории в результате превратились в фундаментальные, сложно поддающиеся анализу основы бытия человека как субъекта рефлексии. Таким образом, «язык», «труд» и «жизнь» в качестве содержания способствовали аргументации их необходимости для бытия субъекта и наоборот. В свою очередь, слова постепенно оказываются вне поля когнитивных представлений, образуя при этом целый комплекс логически и содержательно взаимосвязанных знаков. Слова, по выражению Фуко, замыкаются на самих себя. Тем самым, образуются целые знаковые системы. В итоге все это приводит язык все в большей степени к состоянию самодостаточности, что позволяет говорить о наличии у него самостоятельного бытия.

Современная эпистема связывается Фуко с взаимным процессом «оборачивания» интеллектуальных «уделов» как философии, так и науки. Этот процесс подразумевает исследование проблематики взаимосвязи формальных структур и их вербальных значений в рамках филологии и биологии в области соотношения структур и признаков. Все это можно рассматривать в качестве эпистемических рефлексивных процессов, связанных со структуризацией определенных аспектов исследуемого бытия вкупе с образованием сложной иерархии на базе ранней классической естественнонаучной картины мира. Проблемное поле формализации на современном этапе развития эпистемической рефлексии лежит, главным образом, в сфере интересов логики, а также онтологии. В этой связи когнитивные представления или репрезентация перестают играть интегрирующую роль в исследуемом поле. В частности, по убеждению Фуко, проникновение в глубины сущностей осуществляется при помощи детальных исследований грамматических совокупностей. Показательно, что особенности биологических организмов для современных эпистемических исследований обретаются посредством очевидной для всех их сложной структуры.

В значительной степени произошедшая фрагментация некогда единого когнитивного поля привела к образованию нетрадиционных на фоне классической эпистемы когнитивных форм. В частности, Фуко способствует формированию так называемых новых «трансценденталий» в качестве своего рода потенциала для развития опыта субъекта на базе категорий «жизнь», «труд» и «язык». Можно констатировать появление общих очертаний проблемного поля путем синтеза представлений трансцендентальной субъективности Канта. Таким образом, фактически возникли контуры возможного проникновения в сущность элементов, пребывающих под завесой «жизни», «труда» или «языка».

Сам переход к современной эпистеме мыслитель в значительной степени связывает со схемой «метафизика объекта – критика – позитивизм», возникшей еще в XIX в. Фуко утверждает: «Теперь я отчетливо вижу, каким образом можно ориентироваться в пространстве эпистемы: в первую очередь, необходимо показать, каким образом в XIX веке формируются биологические

и психологические эпистемические фигуры, через какие разрывы, связанные, главным образом, с Фрейдом, устанавливается дискурс научного типа» [4, с. 191]. Важной отличительной чертой современных эпистемических исследований он считает их ориентированность на человека как мыслящего субъекта. Антропологический фактор тесно увязывается с наличием физиологически ограниченного человека, стоящего перед необходимостью трудиться. Такой человек, будучи субъектом эпистемической рефлексии, оказывается вплетенным в ткань существующих автономно от него языка и иных знаковых систем. Можно сказать, что детальное освоение бытия вокруг нас происходит едва ли усилиями какого-либо «чистого» или абстрактного субъекта. Напротив, речь идет о конкретном субъекте, о человеке со свойственными ему культурно-исторически сформировавшимися интересами, увлечениями, которые структурно тесно связаны с языком.

Примечательным можно считать и то, что Фуко стремится отойти от понимания науки как социального института, занимающегося познанием окружающего нас мира. Роль современной науки мыслитель усматривает в образовании специфических вариантов дискурса, которые формируют для общества особую академическую действительность с иерархической структурой, состоящей из руководителей и подчиненных. Само по себе более тесное влечение «жизни», «труда» и «языка» в ткань когнитивной практики способствовало преобразованию человека в полноценного трансцендентального и эмпирического субъекта. Целью исследовательской стратегии такого субъекта выступает анализ содержания человеческого опыта, главным образом, в культурно-историческом контексте. Рассматриваемый переход к современной эпистемической рефлексии в значительной степени является следствием размежевания между бытием и его отражением в нашем сознании, что, в свою очередь, приводило к деформации связей внутри единой языковой структуры. В этой связи современные трансформации языка в весьма закрытое, самостоятельное «самоосознающее» образование, по мысли Фуко, вызывают вопросы относительно ключевой роли человека как субъекта интеллектуальной активности в известной схеме «бытие – мышление» в рамках современной эпистемы в целом.

Для полноты проводимого исследования по поводу эпистемической рефлексии важно коснуться и другого существенного, главным образом, с методологической точки зрения, вопроса. Как уже отмечалось, эпистема для философского сообщества выглядит структуралистским по происхождению образованием. При этом она обладает своей спецификой. Начиная с момента образования эпистемическая рефлексия, по замыслу М. Фуко, являла собой нечто «децентрированное». В основе эпистемы лежала установка на её автономную настройку и регулирование. С момента построения данной рефлексивной конструкции можно констатировать отсутствие конкретных обоснований ключевой роли языкового аспекта в формировании особенностей всех рассматриваемых культурно-исторических типов эпистемического анализа. Сам Фуко связывает это с локальными исследовательскими дискурсами в отдельных отраслях науки, в которых постепенно стала находить свое применение эпистемическая рефлексия. Он замечает: «дискурсивные практики характеризуются ограничением поля объектов, определяемых легитимностью перспективы для агента знания и фиксацией норм для выработки концепций и теорий. Следовательно, каждая дискурсивная практика подразумевает взаимодействие предпри-

саний, которые устанавливают ее правила исключения и выбора» [5, с. 199]. Исследователь постструктуралистской традиции В. Лейч пишет, что конкретная область научных исследований всегда «очерчивает поле объектов, определяет легитимные перспективы и фиксирует нормы для порождения своих концептуальных элементов» [8, р. 146]. Можно полагать, что возникновение или обособление какой-либо отрасли науки, согласно воззрениям Фуко, на концептуальном уровне фактически формирует для себя специфический объект или проблемное поле исследования.

В близком направлении рассуждает Лейч: «изображая эпистему не как сумму знаний или унифицированный способ мышления, а как пространство отклонений, дистанцирования и рассеивания, Фуко помещает свою всеобщую модель культуры среди активной игры различий» [8, р. 153]. Подобного рода «игра различий», по мнению Лейча, скорее способствует нивелированию «отличительных» возможностей привычного нам различия с определенной степенью трансформации его в сторону весьма несущественных отклонений. А это, в свою очередь, совсем не способствует детальному выявлению каких-либо фундаментальных отличительных сущностных характеристик исследуемых объектов.

Данный ход мысли вызвал в интеллектуальных кругах весьма неоднозначную реакцию. В частности, определенная часть философского сообщества заподозрила в современных эпистемических изысканиях элементы так называемого «ниспровержения субъекта». У профессиональных историков возникли вопросы относительно ряда фактов, которые не удавалось вписать в рамки трех эпистем. Специалисты в области эпистемологии столкнулись со сложностями при попытках анализа переходов между отдельными стадиями эпистемической рефлексии.

Таким образом, предложенная Фуко модель «эпистемы» вызвала существенный интерес у исследователей самых разных профилей. В сложившейся ситуации весьма показательным, что при всей дифференциации исследовательских подходов прослеживается некий универсальный сущностный смысл эпистемической рефлексии. Речь в данном случае идет о том, что в целом «эпистема» предполагает некую постоянную особую рода языковую форму рефлексии, практически повсеместно сопровождаемую дискурсом в качестве своего неотъемлемого исследовательского атрибута.

В целом с учетом возникающих вопросов в философском лексиконе категория «эпистема», видимо, используется в более широком смысле, нежели у Фуко. К примеру, можно обсуждать эпистемические воззрения современной западной или евро-атлантической цивилизации во всей ее совокупности, а также мирового сообщества в целом. При этом в рамках проблемного поля эпистемологии и философии науки категория «эпистема» может рассматриваться как близкая по смыслу с категорией «парадигма». В качестве объединяющего их фактора может подразумеваться так называемый акцент на непрерывность когнитивного процесса. Речь идет о том, что эпистема и парадигма обращают наше внимание на рефлексивную специфику когнитивных ориентиров конкретного культурно-исторического периода их развития.

Но явное сходство обоих рассматриваемых в эпистемологии и философии науки понятий вовсе не означает отсутствие различий в их интерпретации. На фоне указанного сходства контрастируют дифференцирующие их факторы в рамках рефлексивных акцентов и сциентистских традиций. «Эпи-

стема» концептуально зарождается на базе исторически складывающейся континентальной европейской эпистемологии. В то же самое время «парадигма» как концепт формируется на основе англо-саксонского детального пересмотра роли опыта в историческом развитии научного познания в рамках традиции, заложенной еще эмпиризмом и сенсуализмом. «Эпистема» в целом оказывается более емкой нежели «парадигма». Речь идет о том, что в арсенале «эпистемы», как методологического подхода, присутствуют всевозможные когнитивные конструкции, пока в силу объективных причин не признанные традиционной академической наукой. Результатом такого положения вещей, по мнению Фуко, оказывается то, что получаемое «знание проявляет себя не только в доказательствах, но и в воображении, размышлении, рассказе, институциональных распоряжениях...» [4, с. 182].

Среди наиболее важных заслуг онтологической стратегии в гносеологии можно выделить так называемую генетическую направленность исследований, предполагающую детальный анализ исторической роли определенных духовных факторов. Особое значение имеет, главным образом, рефлексия субъекта самого процесса познания с оценкой влияния на него различных социальных, культурных, исторических факторов. Можно констатировать пересмотр целого ряда прежних концептуальных ориентиров в сторону усиления гуманистической компоненты познавательного процесса. Описываемые тенденции, по всей видимости, ведут сознание субъекта к более богатой и детальной палитре эвристического процесса, включая те его аспекты, которые пока не получили статуса научных.

Имеющая место тенденция к гуманизации в анализе когнитивного процесса активно способствует существенному расширению перечня параметров в его исследовании. Подобного рода тенденции, связанные с созданием альтернативы традиционному классическому, главным образом, гносеологическому аспекту исследования с его, так называемым абстрактным субъектом, приводят современную эпистемологию к осознанию более сложной и многоаспектной структуры познания. Ставится вопрос о более весомой роли субъекта, что существенно расширяет представление о сложной системе когнитивного процесса. Все сказанное предполагает постепенное движение эпистемологической рефлексии от представлений об объективированной совокупности получаемых в науке знаний к осознанию необходимости разработки соответствующего комплекса мер и норм по регулированию академического познания. В результате происходит осознание важности детального анализа аксиологического аспекта, в том числе и как одной из предпосылок научных исследований. Соответственно, обсуждаемая онтологическая стратегия в гносеологии и эпистемологии предполагает более широкий и детальный охват исследователем всевозможных факторов, активно влияющих на процесс познания, формирование его важнейших целей, задач, норм, идеалов. В числе таких факторов можно рассматривать культурно-цивилизационные парадигмы, менталитет, традиции или даже социально-политические идеологии.

Можно констатировать, что в современной исследовательской среде постепенно происходит формирование основных норм и правил реализации процесса научного познания, которые принимаются учеными порой даже неосознанно. Такого рода нормы и правила берутся на вооружение исследователями в их повседневной практике, образуя своеобразный кодекс социальной

или нравственной ответственности ученого. В данном контексте вызывает интерес позиция известного отечественного специалиста в области эпистемологии и методологии науки Микешиной Л.А., которая полагает, что «при выходе на глубинные основания знания само понятие “социальная детерминация”, по-видимому, утрачивает свой смысл, поскольку выявляются более тонкие структуры и качественно иные взаимосвязи когнитивного и ценностного» [3, с. 6].

Будучи вынужденными реагировать на скептические настроения в свой адрес сторонники рационального подхода к действительности приводят ряд аргументов, которые в целом можно свести к активному стремлению сохранить важнейшие постулаты мировой и в частности западной культуры от размывания в потоке усиливающейся глобализации и порой весьма хаотичного и мало предсказуемого иррационализма. В частности, так называемый критический рационализм, представленный, главным образом, постпозитивистской традицией, предлагает сосредоточиться на исключительных возможностях рационального видения мира противостоять всевозможным «идолам» современной эпохи.

Современные рационалисты в лице аналитической философии или так называемого неорационализма считают необходимым пересмотр основных ориентиров классического рационализма с учетом достижений фундаментальной и прикладной науки. В частности, поднимается вопрос о необходимости выделения универсальных методов научного исследования посредством пересмотра ведущих стратегий познания с последующим понятийным построением действительности на основе активного использования воображения и интуиции. Показательно, что активно ведется работа по формированию новой парадигмы в социальной философии при ведущей роли принципов так называемой постнеклассической рациональности. Также предполагается успешное сочетание важнейших принципов рациональности естествознания с различными гуманитарными аспектами жизни общества: философским, художественным, религиозным (Д. Белл, Х. Шельски, Дж. Гэлбрейт).

В этой связи многие современные неоднозначные тенденции и явления в развитии человеческой цивилизации не могут не сказываться на фундаментальных постулатах рационального освоения действительности. Порой даже возникает вопрос о наличии, если так можно выразиться, контрцивилизационных или контркультурных явлениях. Учитывая сложившиеся реалии современная рациональность, прежде всего, в рефлексивной и когнитивной практике вынуждена дрейфовать в сторону меньшей категоричности, априорности, большей открытости к междисциплинарному диалогу при сохранении важнейшей организующей роли рациональной основы всех аспектов жизни общества.

Список литературы

1. Автономова Н.С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках. М.: Наука, 1977. 272 с.
2. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.
3. Микешина Л.А. Ценностные предпосылки в структуре научного познания. М.: Прометей, 1990. 211 с.
4. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.

5. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1977. 408 с.
6. Шестаков А.А. Онтология познания: пролегомены к субъектно-гуманистической интерпретации когнитивного процесса. Самара: Изд-во СГАСУ, 2004. 160 с.
7. Cavallari H.M. Understanding Foucault: Same sanity / other madness // *Semiotica*. Amsterdam, 1985. V. 56. № 3/4. P. 313–322.
8. Leitch V. Deconstructive criticism: An advanced introd. L.: Penguin Books, 1983. 290 p.

THE NEW CONCEPTUAL APPROACH TO THE RATIONAL UNDERSTANDING OF REALITY

V.V. Khodykin, R.O. Isaev

Samara National Research University, Samara

The article examines the role of rationality in the contemporary discourse. In this perspective, the challenges confronting the rational approach to surrounding reality today are discussed. The episteme as an important element of rational reflection becomes the focal point of this problem academic interpretation. The proximity and certain differences of the episteme from the «paradigm» concept are revealed.

Keywords: *rationality, reflection, research, discourse, truth, experience, world view, episteme, paradigm.*

Об авторах:

ХОДЫКИН Владимир Владимирович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», Самара. E-mail: VKhodykin@yandex.ru

ИСАЕВ Роман Олегович – аспирант кафедры истории и философии науки ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», Самара. E-mail: romanceisaev@gmail.com

Authors information:

KHODYKIN Vladimir Vladimirovich – Ph.D., Assoc. professor of Philosophy department, Samara National Research University named after academician S. P. Korolev, Samara. E-mail: VKhodykin@yandex.ru

ISAEV Roman Olegovich – Ph.D. student of the Dept. of History and philosophy of science, Samara National Research University, Samara. E-mail: roman-ceisaev@gmail.com